

Типология ментальности.

Анализ невозможен без классификации анализируемого содержания, которое таким образом разделяется на подмножества, но это разделение происходит не произвольно, а на основании устанавливаемых в процессе анализа свойств и качеств его элементов, позволяющих объединять их по принципу родства и отличать их от элементов других подмножеств.

Существующие системы классификаций определяют элементы живой и неживой природы, объекты культуры, в том числе феномены мышления и языка. Однако до сих пор не создана классификационная схема, позволяющая однозначную идентификацию ментальных типов, так, как это удалось в случае химических элементов или генотипов. Очевидно, что ментальность – продукт развития и один тип ментальности может трансформироваться в другой тип, так что свойственная детям ментальность может в значительной степени оставаться у людей с задержками развития, или замещаться другими формами ментальности.

Наряду с инфантильной ментальностью, свойственной детям¹, можно условно выделить другие ментальные типы: мистический, мифологический, эклектический, шизофренический, логический или научный. Основанием такого типологического деления является отношение к реальности, а именно, способность различать между внешней реальностью и ментальностью, воспринимаемыми и отображаемыми объектами, между объектами и их репрезентациями:

шизофренический тип ментальности – неспособность различать между реальностью и бредом, миром фантастических образов, больной фантазии;

мистический тип ментальности – например, вера в силу слов, вследствие чего юристы и цензоры оправдывают их противоправную деятельность, поскольку они не способны различать между высказыванием и поступком, придавая словам такую же степень действенности и действительности как и действиям²;

мифологический тип ментальности – характерен для религий, государственных идеологий и псевдонаучных парадигм, примером чему являются древнегреческий культ Зевса и аналогичный ему культ Линкольна в Америке;

эклектический тип ментальности – свойственен большинству людей, ментальность которых сформировалась под влиянием поп-культуры;

и лишь логический или научный тип ментальности отличается от всех прочих строгим соответствием между реальностью и отражением этой реальности в языке и мышлении.

Язык дан всем, но люди не в равной степени способны его освоить и им пользоваться, и эта способность определяется предпосылками и условиями формирования ментальности. От детского лепета до логической или научной ментальности – большой путь психического и интеллектуального развития, содержанием которого являются чтение, познание, размышление, в результате чего слова становятся понятиями, находящимися в логической связи, т.е. объединённых системой непротиворечащих определений, а высказывания имеют характер обоснованных суждений.

Формирование научного или логического мышления должно стать главной задачей школы, школьного образования. Должно стать, поскольку ещё не стало, и доказательством этого являются лица,

называющие себя учёными, а в действительности не способные отличать факты от артефактов, которые они сами создают и изучают, как в случае экспериментов на ускорителях и теоретиков элементарных частиц³. Как же могло случиться, что люди, прошедшие через школы, университеты и якобы научные учреждения, имея научные степени и звания, лишены способности научного мышления, и в нём отсутствует элементарная логика?

То, что дети перенимают от родителей в дополнение к биологическим предпосылкам, это не просто традиции, традиционные формы поведения, которым они подражают. Это более того – понятийные комплексы, ассоциативная связь понятий, ассоциатома. И то, как в этой ассоциатоме понятия связаны, зависит и определяет поведение.

Необходимо подчеркнуть, что ассоциатома содержит не только явное, но также неявное, латентное, которое является результатом действия скрытого в бессознательной сфере психики. Присутствие и структура элементов ассоциатомы, а также их связь соответствуют этому действию.

Личный опыт определяет содержание ассоциатомы, поэтому пассивное перенятие этого содержания без его пересмотра и отношения к личному опыту приводит к противоречию между актуальным восприятием и его интерпретацией, происходящей в рамках чужого опыта. Результатом перенятия традиций, традиционного поведения и мышления, могут являться когнитивные искажения, т.е. непонимание очевидного и неспособность адекватного поведения.

Стереотип – это элемент ассоциатомы, соответствующий традиционному восприятию и пониманию воспринимаемого содержания. Консервация и передача стереотипов происходит случайным образом в случае эклектической ментальности, или по принципу соответствия догме, фантазии или бредовому представлению в других типах ментальности, а их структурной основой являются молекулярные и нейрональные связи (ассоциации).

Догмы и редукционистские схемы имеют свойство становиться центром, вокруг которого объединяются элементы эклектической ментальности. Известным примером такого перехода является Германия времён Гитлера. Его книга „Моя борьба“ представляет собой продукт психической патологии на фоне эклектической ментальности. Но этот смешанный тип ментальности создал миф, ставший догмой и идеологией, увлёкший миллионы в сотворённую мифологическую реальность. Человек толпы, движимый стадным инстинктом, не способен сопротивляться влечению его нездоровых побуждений и внешнему давлению, оказываемому на него пропагандистским внушением и дурным примером масс, в результате чего его патологические тенденции усиливаются, а его восприятие реальности уменьшается. Когда такое давление прекращается, ментальность возвращается к исходному состоянию, открытому для других догм и идеологий.

В известной мере можно уподобить эклектическую ментальность Броуновскому движению. Образно говоря, когда сказанное в одно ухо влетает, а из другого вылетает, не оставляя в голове никаких следов своего пребывания, то такое состояние ментальности более всего похоже на изотропное пространство, в котором нет вещественности, субстанции, называемой обычно умом и индивидуальностью⁴. Поведение людей с эклектической ментальностью подобно Броуновскому движению и определяется внешними стимулами и автоматическими реакциями на эти стимулы,

совершающимися на уровне рефлексов без участия более высоко организованных нейрональных и психических функций.

Хотя традиционные религии, прежде всего католицизм, ислам и буддизм, представляют собой более высокий уровень ментальности по сравнению с эклектической и магической ментальностью, они содержат в себе их элементы. Молитвы, ритуалы заклинания и изгнания нечистых сил являются не более чем магией, детскостью, ничем не оправданной верой в силу мысли и слова, и возможность изменения реальности желанием и хотением. В действительности, подобные ритуалы являются бегством от реальности и замещением целесообразной деятельности иррациональным жестом. Массовость ритуальных действий симулирует подобие нормальности, хотя ничего нормального и здорового в стадности и предрассудке нет. В свою очередь, религиозная иррациональность может способствовать развитию психических патологий или усиливать патологические тенденции, примеров чему множество, начиная от оправдания педерастии до ведения религиозных войн⁵.

Мир сказки, в котором сложные и многообразные социальные и природные отношения упрощены до уровня, доступного пониманию детей, продолжается в мифе, предрассудке, фантастической реальности академических и государственных идеологических построений, роднящих их с психической патологией. Поскольку интеллектуальное созревание – многофакторный процесс, неспособность перехода в следующую фазу психического и интеллектуального развития свидетельствует о неадекватности условий развития или о препятствиях того или иного рода, среди которых могут быть генетические, диетические и воспитательные факторы.

Всякий труд труден, и в процессе интеллектуального развития необходимо преодолевать препятствия и справляться с трудностями, чтобы упражнением ума обрести необходимую и достаточную умственную силу и степень умственной зрелости и подвижности. Если этот уровень зрелости не достигнут, слабоумие, интеллектуальная несамостоятельность, или догматизм становятся неисправимыми ментальными качествами.

Не следует полагать, что олигофрения характеризует только тяжёлую умственную патологию. Олигофрения буквально означает не отсутствие ума, а его недостаток, и поэтому умственная отсталость определяется относительно интеллектуального уровня, в нормальном случае соответствующего данной возрастной фазе. Также для всякого человека, достигшего превосходного умственного развития, все прочие люди являются олигофренами, хотя они себя таковыми как правило не считают⁶.

Опыт интеллектуального развития слепо–глухо–немых демонстрирует возможность компенсации нарушений развития. Даже если исходные предпосылки плохие, существует вероятность преодоления тенденции и оптимизации дальнейшего движения, вследствие чего траектория ментального развития может быть другой, чем предполагалось вначале. Способность управления процессом развития целиком основан на знании его закономерностей и деталей, и это знание должно стать достоянием не только специалистов, но и возможно большего круга людей, чтобы они также научились им пользоваться и его применять.

Примечания.

¹ Нельзя назвать инфантильность детей типом ментальности, поскольку их психика находится в развитии, в непрерывном изменении. Инфантильность же сложившейся ментальности – это качество её незрелости и незавершённости.

² „Мы говорим метафорически: окаменел от ужаса. В мире чудесного смертный, взглянув в глаза Медузы, действительно, окаменеваает, т. е. превращается в камень. — «Ты осел» — «ты свинья» — говорим мы, уподобляя человека ослу или свинье за его глупость и упорство или неряшливость и прожорство. В сказке у Апулея человек — Люций, действительно, превращается в осла, а спутники Одиссея по волшебству Кирки — в свиней.“ Яков Голосовкер, Логика античного мифа. – Было бы логичнее назвать данный труд „Язык античного мифа“, поскольку миф алогичен, о чём свидетельствует сам автор, и его основой является не логика, а комбинаторика образов, подобная игре детей с кубиками. Воображение, рождающее эти образы, создаёт их путём комбинации элементов реального и известного, а создав их, оно является способом, позволяющим вхождение в них. В этом подобии реальности слушатель оказывается в центре сценического действия, куда бы оно не перемещалось, и вынужден идентифицировать себя с персонажами этого действия–лицедейства. Миф будит воображение, развивает его, и эта игра ума позволяет в последующем проникновение в мир абсолютных идей и их постижение. Таким образом: через простое и выдуманное – к сложному и настоящему, происходит адаптация ментальности к реальности.

³ The publication of the Review of Particle Physics is supported by the Director, Office of Science, Office of High Energy Physics of the U.S. Department of Energy under Contract No. DE-AC02-05CH11231; by the European Laboratory for Particle Physics (CERN); by an implementing arrangement between the governments of Japan (MEXT: Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology) and the United States (DOE) on cooperative research and development; and by the Italian National Institute of Nuclear Physics (INFN).

[M. Tanabashi et al. \(Particle Data Group\), Phys. Rev. D 98, 030001 \(2018\).](#)

http://pdg.lbl.gov/2018/html/authors_2018.html

Однако не только микрокосмос мифологизирован лжеучёными, теория Большого взрыва является другим примером коллективного мифотворчества. О процессе мифологизации повествует Яков Голосовкер в „Логике античного мифа“: „Рог изобилия неиссякаем: он вечно изобилует пищей — плодами. Желание вкушать пищу есть единственная причина, обуславливающая действие рога. ... Хотя в эллинском мифе нет ничего метафизического, — всё вещественно, всё реально, — тем не менее вещество пищи (плоды) появляется в роге из ничего. То есть положение логики здравого смысла «ex nihilo nihil fit» — из ничего и получается ничего — заменяется в логике чудесного положением «ex nihilo omnia fit» — из ничего возникает всё, стоит только высказать желание.“

„Уравнения открывают истину.“ – Но психическая регрессия „уравнителей“ заключается в немоте, неспособности выразить связно, словами, содержание феноменологического, что в ходе Ersatzhandlung заменяется символизмом, дологической пиктографией, в которой раскрытие и понимание феноменов только мнится, но не достигается. Все эти математические формулы – только вязь иероглифов, смысл которых постижим только их создателям в системе мистических образов,

бытующих в их головах, и эта иероглифическая мистика ничего не объясняет и никак не соотносится с действительностью. Примером ментальности, оторванной от реальности и параллельно с ней существующей, является Теория относительности, Теория Большого взрыва и „система“ физических величин, в которых мнимые „масса“, „гравитация“ и „чёрная материя“ постулируются реальностями, хотя та же планета Земля ничего не весит, а её объём и наполненность формами никак нельзя редуцировать до количества килограммов или ньютонов. Псевдонаучный язык всех этих лжетеорий при ближайшем рассмотрении оказывается содержанием мыльного пузыря, объёмность которого кажущаяся, но он мгновенно лопается при столкновении с действительностью в виде древесной ветки или травинки или при порыве ветра.

Я уже ранее назвал подобные состояния лексической инфляцией (lexical inflation), а до меня Цицеро в своих Тускуланских беседах восклицал: „О Греция, как порою ты скудна в своём обилии слов!“

⁴ A. Poleev. De amore. Enzymes, 2018.

<http://www.enzymes.at/download/love.pdf>

⁵ A. Poleev. Rezension über das „Handbuch der Antisozialen Persönlichkeitsstörung“. Enzymes, 2018.

<http://enzymes.at/download/Rezension.pdf>

Хотя субъект и объект в ментальном пространстве психопатов не разделены, ментальность преступников и насильников можно отнести к шизофреническому типу, поскольку у них субъективное превалирует над объективным, собственные желания и стремления утрируются по отношению к таковым других субъектов, чья субъективность отрицается или преуменьшается, вследствие чего другие люди или животные фантазируются безвольными объектами манипулирования. Цель психопата – контролировать другого человека, подчинить его себе, сломить его сопротивление и волю, сделать из него послушного слугу. Для достижения этой цели используются различные методы, среди которых обман, внушение, навязывание своих идей и поведенческих стереотипов, издевательство и другие. Все методы хороши, чтобы подавить самостоятельность и позиционировать себя в центре внимания жертвы. Эта маниакальная страсть осуществлять контроль и утверждать себя объясняется сексуальным побуждением и стремлением к лидерству, т.е. в обоих случаях Эдиповым комплексом и патологическим нарциссизмом.

⁶ Олигофреническое общество.

<http://www.enzymes.at/download/convention.pdf>